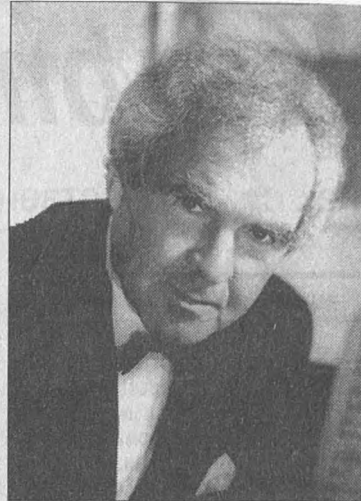

Осиротевший рояль

Памяти Льва Власенко

Это его слова: можно жить и работать за границей, но умирать нужно только дома. Горько говорить, но получилось иначе: он умер в последней декаде августа далеко-далеко от своего московского дома, в Австралии, где никогда не жил и не работал. Он оказался там на лечении, хотя было понятно, что раковую болезнь победить уже нигде не удастся. И все-таки надежда на чудо не покидала семью и соратников по искусству. Не только моральную поддержку оказывал ему в это время музыкальный мир. Денежные взносы на лечение поступали от М. Ростроповича, В. Спивакова, В. Ашкенази и других. В конце сентября урна с прахом прибывает в Москву, состоится гражданская панихида, и мы вспомним и скажем, каким был этот человек — Лев Николаевич Власенко, талантливейший пианист, народный артист России, профессор Московской консерватории, президент Ассоциации лауреатов Международного конкурса имени Чайковского.

Елена ДОЛИНСКАЯ, профессор Московской консерватории

Не только на эстраде, но и в коридорах консерватории он всегда выделялся благородством осанки, врожденным аристократизмом. В своей Alma Mater музыкант проработал 39 лет, выпестовав множество учеников, несчетное число раз садился за рояли Малого и Большого залов, чтобы увести за собой публику в мир красоты и гармонии. Лев Власенко, которого мы так неожиданно потеряли, был Богом данным музыкантом. Универсальным в своей многоликости. Он в совершенстве знал тайны пианистического волшебства, ибо успел пройти в искусстве колоссальный путь — от романтической открытости огненного темперамента к вершинам философского самопознания.

Вспоминается его последний концерт в Малом зале. Это была музыкальная монография — его любимый Бетховен, в том числе поздние сонаты. Пианист играл фантастически прекрасно, одухотворенно и строго. Конечно, не ведаю, что это его прощальная «песнь» в родных стенах. После последнего аккорда зал пронзила особая, звенящая тишина, которую потом взорвал шквал аплодисментов.

В одном из недавних интервью пианист размышлял: «Когда полностью уходишь в исполнительский процесс, о публике как будто не думаешь. Забываешь решительно обо всем, кроме того, что делаешь за клавиатурой. И однако же... Знаете, что для меня лично самое главное во время концерта? Наиболее показательное? Тишина. Ибо

все можно организовать — и рекламу, и заполняемость помещения, и аплодисменты, и цветы, поздравления и прочее. Все, кроме тишины...»

Да, наш дорогой Лев навсегда ушел в мир тишины, но как много он успел сделать в мире звуков. Власенко из коргорты тех выдающихся представителей отечественной фортепианной школы, что реализовали себя в искусстве сполна: сделал все, что мог, хотел и успел...

А успевал Лев в этой жизни гигантски много, да и фортуна не раз оборачивалась к нему своей самой доброй стороной. Будущий пианист родился в Тбилиси 24 декабря 1928 года в семье интеллигентов, где музыку не только любили, но и владели ею профессионально. Мать — из знаменитого музыкального рода Бендицких, некогда занималась фортепианной игрой в Тбилисской консерватории. Она и стала первой музыкальной наставницей сына. Затем он обучался в школе-десятилетке у талантливой А. Вирсаладзе, прошел первый курс консерватории и переехал в Москву, где и началось его восхождение на музыкальный Олимп.

Ему повезло безмерно: с 1948 года Власенко становится учеником выдающегося деятеля отечественной музыкальной культуры Якова Владимировича Флиера. Годы интенсивной учебы быстро приносят весомый результат — на конкурсе имени Листа в Будапеште Лев удостоивается первой премии и через два года снова бросает вызов судьбе — он в числе участников Первого конкурса имени Чайковского. Когда Власенко был задан вопрос, на каком фортепиано ему было труднее — на

будапештском или московском, он сказал: «Разумеется, на московском. Конкурс имени Чайковского впервые проводился в нашей стране. Впервые — этим сказано все. Играть на этом конкурсе было исключительно сложно и ответственно — каждый выход к роялю стоил огромного нервного напряжения». Вот эту черту — каждый выход на эстраду считать для себя первым — Власенко сделал символом своей творческой жизни и этому учил молодежь.

Тогда, в 1958 году, на том самом Первом конкурсе имени Чайковского, конкурировать с Ваном Клиберном, который своим романтизмом буквально загипнотизировал и публику, и жюри, мало кто в мире мог посостязаться. Клиберн получит «золото», Власенко — «серебро». Однако ход времени расставил свои акценты: Ван Клиберн давно выбыл из числа концертирующих пианистов, а Лев Власенко выступал на всех континентах, и его творческая активность росла из года в год.

Как выдающийся мастер Л. Власенко исполнял практически всю мировую литературу, но были, естественно, композиторы, которые притягивали особо. Это прежде всего Лист, Рахманинов и Бетховен. Их музыку он играл практически всю жизнь, извлекая из сочинений все новые краски, эмоции, фортепианные нюансы. Стильность игры Власенко заметило еще жюри конкурса Чайковского. Г. Нейгауз говорил: «С превосходным пианистом Львом Власенко мы знакомы давно. Это умный и талантливый музыкант. В трактовке Власенко поражает ум, целеустремленность, логичность. Он произвел превос-

ходное впечатление на жюри одним из самых отечественных произведений своей программы си-минорной сонаты Листа. Здесь особенно сказались присущие этому пианисту качества — пианистическое совершенство, музыкальная продуманность и сила».

Власенко, как и многие выдающиеся представители Московской консерватории, продолжил одну из ее удивительных традиций — совмещать интенсивную исполнительскую деятельность с педагогикой. Среди многочисленных учеников Власенко такие ныне известные мастера, как М. Плетнев, В. Ереско, Б. Петров, Н. Сук, К. Рандалу, К. Оганесян и многие другие, и не только наши соотечественники, но и студенты крупнейших консерваторий мира. А сколько десятков раз Власенко принимал участие в работе зарубежных музыкальных академий, в жюри международных конкурсов!

Артист преодолел в земной жизни много барьеров, но не ведал одного, самого распространенного — языкового. Параллельно с обучением в консерватории Лев занимался в Институте иностранных языков, свободно владел английским, французским, итальянским. А еще мы восхищались тем, что он был блестящим эрудитом, знатоком и ценителем живописи, изящной словесности, спортсменом, остроумным собеседником, заботливым семьянином. Вокруг него всегда была особая, власенковская аура — и личностная, и артистическая. Лев был добр, мудр, душевно щедр и по-человечески очень красив. Таким он и останется навсегда в памяти своих благодарных современников.